SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые я наткнулся на это имя, читая воспоминания Сергея Волконского (бывшего директора императорских театров) о революционных годах: «Один случай мне рассказывали. Был в Москве приговорён к расстрелу некто Виленкин. В то время расстреливали в Петровском парке. Когда его поставили, тот, кто командовал расстрелом, вдруг узнаёт в нём своего бывшего товарища. Он подходит к нему проститься и говорит: – Уж ты, Саша, извини их, если они не сразу тебя убьют: они сегодня в первый раз расстреливают. – Ну, прости и ты меня, если я не сразу упаду: меня тоже сегодня в первый раз расстреливают...» Дорогого стоит, когда человек не теряет юмора перед расстрельным взводом, подумал я тогда и наверняка забыл бы не слишком приметную фамилию, если бы по случайности вскоре не наткнулся на нее опять в мемуарах гусара Владимира Литтауэра. Тот влюбленно пишет о солдате своего полка Виленкине, «романтике и поэте», который сочинял веселые стихи и отличался невероятной храбростью - получил семь из восьми возможных наград, причем от восьмой несколько раз отказывался, чтобы не слишком выделяться.

•

Борис Акунин

О жизни и смерти весёлого человека - Александра Абрамовича Виленкина

Впервые я наткнулся на это имя, читая воспоминания Сергея Волконского (бывшего директора императорских театров) о революционных годах:

«Один случай мне рассказывали. Был в Москве приговорён к расстрелу некто Виленкин. В то время расстреливали в Петровском парке. Когда его поставили, тот, кто командовал

расстрелом, вдруг узнаёт в нём своего бывшего товарища. Он подходит к нему проститься и говорит:

— Уж ты, Саша, извини их, если они не сразу тебя убьют: они сегодня в первый раз расстреливают.

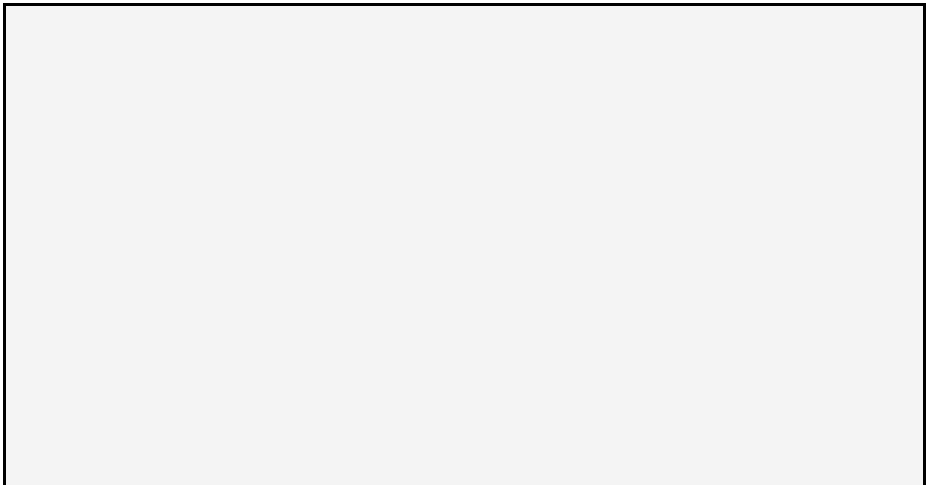
— Ну, прости и ты меня, если я не сразу упаду: меня тоже сегодня в первый раз расстреливают...»

Дорогого стоит, когда человек не теряет юмора перед расстрельным взводом, подумал я тогда и наверняка забыл бы не слишком приметную фамилию, если бы по случайности вскоре не наткнулся на нее опять в мемуарах гусара Владимира Литтауэра. Тот влюбленно пишет о солдате своего полка Виленкине, «романтике и поэте», который сочинял веселые стихи и отличался невероятной храбростью — получил семь из восьми возможных наград, причем от восьмой несколько раз отказывался, чтобы не слишком выделяться.

Литтауэр, сам бравый офицер, с восхищением рассказывает, как весельчак, получив рану, начал немедленно сочинять стишок про это героическое событие, или как под ураганным огнем, когда все ждали смерти, Виленкин предложил полковнику шоколадку и был послан к черту.

Тут я заинтересовался этим шутником всерьез. Оказалось, что человек он довольно известный: его поминают Роман Гуль, Ходасевич, Солженицын — и все самым приязненным образом. (В «Википедии», кто заинтересуется, есть отсылки на две хорошие и подробные биографические статьи).

Знакомьтесь: нестандартный гусар Александр Абрамович Виленкин.



Нижний чин гусарского полка

Почему нестандартный — понятно, да? Еврей, и вдруг гусар. Чудно́.

С чего вдруг иудея, студента-белоподкладочника, сына купца

первой гильдии, понесло в кавалеристы, совершенно непонятно. Семья была богатая, интеллигентная. Александр закончил с медалью (по тем временам большая редкость для еврея) знаменитую Царскосельскую гимназию, классным наставником у него был замечательный поэт Иннокентий Анненский. А потом, уйдя из Петербургского университета, зачем-то поступил вольноопределяющимся в Сумский гусарский полк.

Вначале не знал, с какой стороны к лошади подходят, но потом освоил все кавалерийские премудрости и стал любимцем полка. Ставил смешные спектакли, однополчане распевали сочиненные им песенки. Офицерского звания не выслужил — для этого требовалось сначала креститься. Виленкин был нерелигиозен, но менять вероисповедание не пожелал.

Всякий человек русского воспитания, но еврейской крови оказывался тогда перед серьезным искушением: прими христианство, и все двери перед тобой откроются. Но чувство собственного достоинства мешало пойти на сделку с совестью. Уверовал — тогда да, а просто так, на холодную голову, стыдно. Старший брат Александра, крупный дипломат, повел себя точно так же: редкий случай, когда чиновник получил генеральский чин, дававший права потомственного дворянства, но дворянином так и не стал по причине «неправильной» веры.

Отслужив в кавалерии, Александр окончил юридический факультет и стал адвокатом. Участвовал во многих политических процессах, считался блестящим судебным оратором. Правда, репутации серьезного юриста несколько мешали слишком живой нрав и чрезмерное увлечение модой — Виленкин слыл первым московским щеголем.

Война застала его в столице дендизма, Лондоне, где Александр вполне мог бы спокойно досидеть до конца войны, но уже через три недели он на фронте, в прежнем полку, связь с которым не терял все минувшие годы. Несколько раз был ранен, заслужил полный «георгиевский бант», но так и оставался унтер-офицером. Лишь после Февральской революции, отменившей дискриминацию, Виленкин получил первую звездочку, а к осени имел уже четыре.

Штаб-ротмистр Виленкин, теперь с офицерским «Георгием»

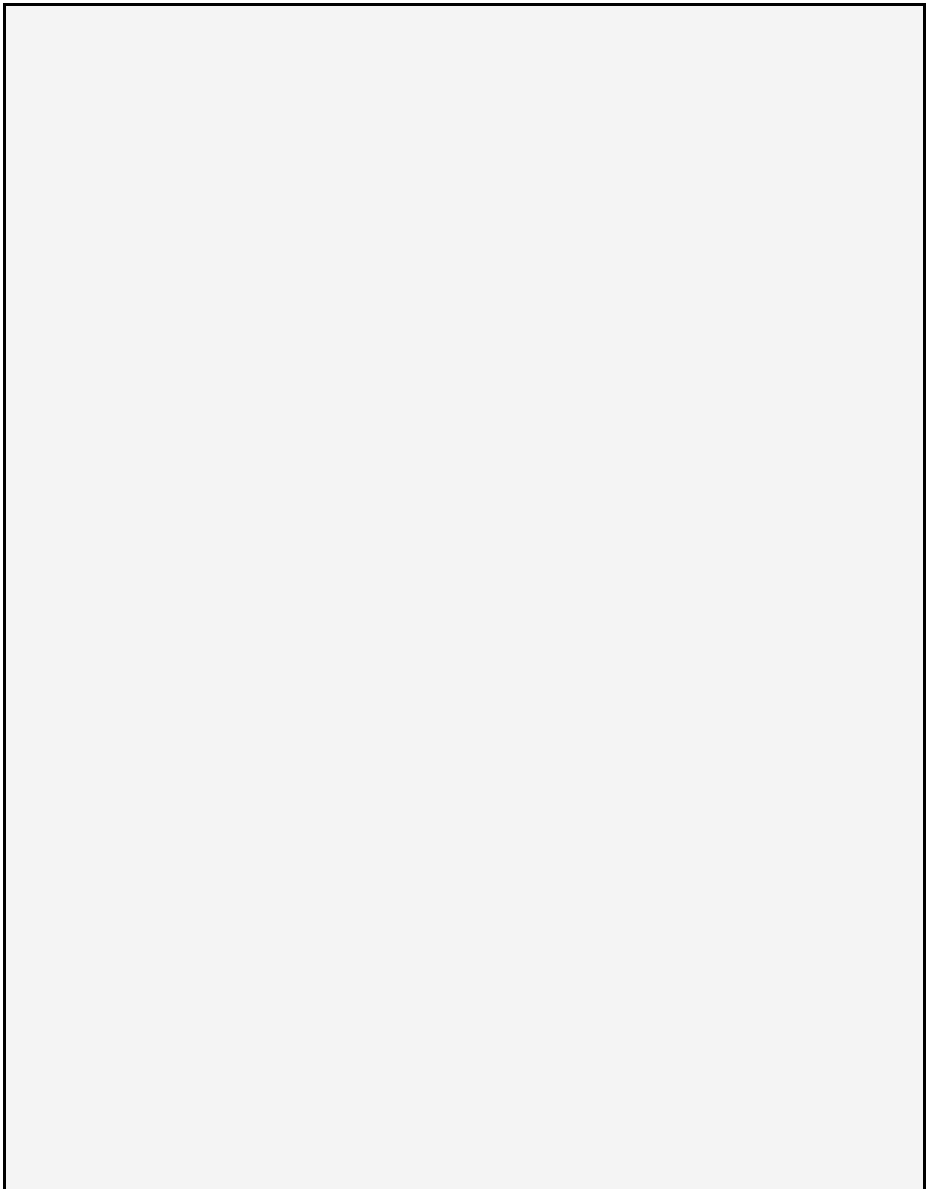
Боевые награды, отсутствие какого бы то ни было заискивания перед толпой, а главное — ораторское остроумие сделали Виленкина очень популярным среди солдат. Его выбрали председателем армейского солдатского комитета (то есть на должность, стоявшую вровень с командармом). И это при том, что Виленкин был членом непопулярной на фронте кадетской партии и вообще сторонником строгой дисциплины.

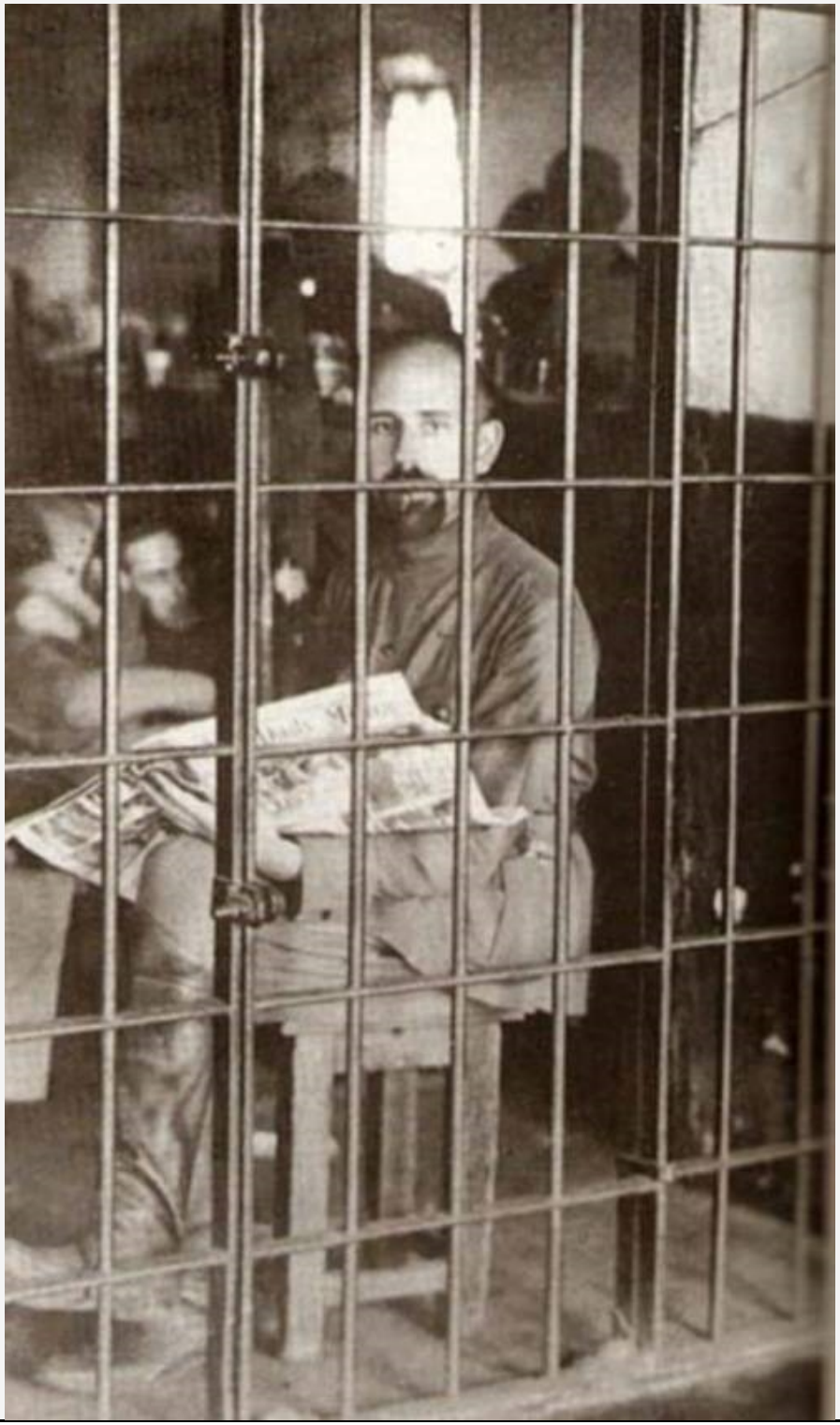
После развала фронта Александр стал одним из руководителей «Союза евреев-воинов», объединявшего евреев-ветеранов. Большевики объявили, что Россия выходит из войны, и многие члены Союза хотели уехать, чтобы сражаться дальше в рядах английской армии.

Однако Виленкина больше волновала судьба России. Он вступил в подпольный «Союз защиты Родины и Свободы», где возглавил кавалерийский центр. В мае 1918 года, после доноса,

чекисты арестовали офицеров, входивших в эту организацию. Виленкина взяли не сразу, он мог бежать, но задержался, чтобы уничтожить документы, которые могли бы выдать товарищей, и упустил время.

Сидел он в Таганской тюрьме, где сильно облегчал жизнь товарищам по несчастью: обучал их английскому, помогал выстраивать линию защиты, устраивал шахматные турниры, выпускал юмористическую газету и даже затеял какое-то кабаре.





Большевики долго не решались его расстрелять — многие из них помнили, как при старом режиме он защищал их в суде. Сам Дзержинский распорядился Виленкина не трогать — но и не выпускать.

На следствии участники заговора вели себя по-разному. Многие выдавали сообщников. Виленкин не назвал ни одного имени.

Как-то раз ему объявили, что смертный приговор вынесен и завтра будет приведен в исполнение. Он написал прощальное стихотворение:

От пуль не прятался в кустах
Не смерть, но трусость презирая,
Я жил с улыбкой на устах
И улыбался, умирая.

Виленкина поставили перед ямой, дали залп в воздух — оказывается, это была попытка побудить его к даче показаний. Не сработало. (Значит, в Петровском парке его все-таки расстреливали не в первый раз, опыт уже имелся).

Чекистские цирлихи-манирлихи со следствием и прочими юридическими формальностями закончились, когда был объявлен «красный террор». Тут уж не помог и запрет Дзержинского.

5 сентября 1918 года, в первый же день массовых казней, Виленкина увезли расстреливать, теперь уже по-настоящему. Как он вел себя перед смертью, мы знаем. Это была не бравада, а всё то же ЧСД (чувство собственного достоинства). В прощальном письме сестрам Александр шутить не пытается: «Тяжело умирать, когда вся жизнь не прожита, когда многое еще впереди и три года войны остались позади — но я не боюсь смерти и буду спать так же спокойно, как и каждую ночь... Моя совесть чиста, поскольку я никогда не совершал бесчестных поступков и, смотря в лицо смерти, не поддался соблазну купить себе жизнь за счет других».

Те, кто читал мой роман «Аристономия», знают, что у меня большие проблемы с выбором моей стороны на Гражданской войне. Обе стороны мои — и не мои. И красные, и белые вызывают у меня сложное чувство, в котором восхищение смешивается с отвращением, и всех жалко. Поэтому история, которую я вам рассказал, не про героического борца с большевистской чумой. Это история про редкую и драгоценную вещь — легкое, ненатужное мужество. Таких людей очень мало, они почти всегда гибнут молодыми. Без них жить на свете было бы тошнее и страшнее.